
КРИСТИНА
ЮРАШ
Я – БОГИНЯ
ПО ВЫЗОВУ

Кристина Юраш

Я - богиня по вызову

«Автор»
2026

Юраш К. Ю.

Я - богиня по вызову / К. Ю. Юраш — «Автор», 2026

Я мечтала похудеть и встретить мужчину своей мечты. Мне пообещали море цветов, подарки и поклонников, которые будут падать к моим ногам!И ведь не обманули! Только предупредить забыли, что цветы будут траурными, а мужчины — потенциальными покойниками!Теперь я — богиня Смерти. В комплекте прилагаются коса, говорящая Бездна в зеркале и план: три души до полуночи!Вот только забрать человека нельзя, пока не исполнишь его последнее желание. А одна несносная старушенция требует пирожков! С доставкой на дом!И пока я пытаюсь освоить новую профессию, за мной увивается нахальный волк-оборотень, а подозрительно обаятельная Бездна следит за моими любовными приключениями и почему-то называет меня Пирожочком!Я вообще-то замуж собиралась! И желательно по большой любви!Вот только кто рискнёт жениться на самой Смерти?

© Юраш К. Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ 5
Глава первая. Богиня на диете 7
Глава вторая. Серый волк и черная шапочка 15
Глава третья. Смертельный номер 23
Глава четвёртая. Сколько карты ни тасуй, всё равно получишь… 31
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Кристина Юраш
Я - богиня по вызову

ПРОЛОГ

— Открывай, бабка, — мрачно заметила фигура в черном капюшоне, стоя перед старенькой дверью с облезлой ручкой. — Эй! Бабка! Ты что? Уснула?

За дверью послышались шорканье и скрипы: «Иду-иду! Вот нетерпеливая! Сейчас-сейчас!» Шорканье дошло до дверей и внезапно стихло.

— Кито там? — подозрительно спросил скрипучий голос. — А ну отвечай быстро! Ишь, хулиганят! Нет спасенья. Весь огород истоптали!

Фигура в черном мрачно вздохнула, глядя на поросшие репейником и бурьяном подступы к дому.

— Это я, — замогильным голосом заметила фигура с мешком, корзиной и двумя узлами, связанными между собой и перекинутыми через шею. Дверь скрипнула, впуская её в пыльный домик, насквозь пропахший сыростью и кислятиной.

— Ноги вытирай! А то как в прошлый раз будет! Пришла, наследила! Тьфу! — выругалась бабка, пока фигура в черном затаскивала мешки и стонала от натуги. — Вон твои тапки в углу стоят! Ты мне тут в своих грязных тухлях по полу не гарцуй!

Судя по тому, как у фигуры в черном балахоне прогибались ноги, последнее, что она сделает, — доползёт до кровати и тихим холмиком упокоится под одеялом.

— Чего встала! Тапки обувай! Мало ли где шлялась! Грязи пононосила! Как мыть вас, так никого, а как мусорить, так сразу все! — ворчала бабка, а на пол возле её ног упали мешок и два больших узла, а рядом оказалась корзина. — Тряпок на вас не напасесси! Чай, не казенные! Здоровье у меня уже не то, чтобы с тряпкой ползать!

Мрачная фигура посмотрела на бабку с надеждой, переобулась с тяжким вздохом.

— Ну что ж, поглядим, что тут понанесла. Тащи сюдой! — скомандовала бабка, потирая руки о свою застиранную клетчатую юбку. — Да на стол клади! Что я, по-твоему? Самая молодая, чтобы нагибаться? Ой, спину крутит... Ой, не могу! Хоть помирай!

С тяжким стоном черная фигура дрожащими руками взяла мешок и тут же уронила.

— Эх ты, немощь костлявая! Ой, здоровьице уже не то, — прокряхтела бабка, поднимая с пола мешок на стол так, что не каждый готов посоревноваться с ней в перетягивании пакета с дешевым луком. Мешок с грохотом упал на стол, а цепкие воробьиные трясущиеся ручки тут же развязали веревочку.

— Ой, совсем стара стала... Немощна... Спасу нет! Суставы ноют... Вон! На руки погляди! Совсем ослабли! — ворчала бабка, пристально разглядывая каждую морковку и луковицу. — Спину ломит — ой, не могу! А давление скачет, аки конь ретивый! Ты где эту морковку брала? Что она такая кривая и мелкая? Ты что морковку не видала? Я тебе говорила, у кого покупать в деревне? И что? А это что? Луковица?

Под черный капюшон костлявая рука сунула маленькую луковичку.

— Тьфу, а не луковица! Шелуха одна! — вопила расстроенная бабка, перебирая и рассматривая каждую луковицу. — Совсем глаза не видят! Вон, черная точечка! Жук ел, что ли? Гляди! Не видишь? Внимательней смотри! Эх! Говорила, что луку хочу, как перед смертью! Выбирать надобно! Чтобы такие мелкие не попадались! И почем?

— По три медяка, — мрачно заметила фигура в черном капюшоне, тяжко вздыхая.

— Ой-ё! — схватилась за сердце бабка, опадая на старенький стул. — Дорого-то как! Раньше по одному были! Батюшки! Совсем обнаглели! Да у меня так кости не ломят, как их цены! Что хотят, то и творят!

Бабка стала с причитанием разбирать овощи, снуя по дому туда-сюда.

— Эй, не видала, куда кабачки положила? — прищурилась бабка, резво раскладывая по мешкам припасы. — Совсем без очков не вижу! Вот придет кто, а не признаю!

Бабка с легкостью схватила два огромных кулька, поставила друг на друга, а потом побрела за тесемками, скрючившись и положив руку на спину.

— Не высыпаюсь совсем... Ой, не высыпаюсь! Соседи — сволочи. Дышат громко и топают, как стадо! — жаловалась бабка, теребя узловатыми пальцами старенькую шаль. — Спать не дают!

— Белки, что ли? У тебя до ближайшей деревни три часа пути! — мрачно возмутилась фигура в черном.

— А то я не знаю, что они шумят! И дышат громко! — огрызнулась бабка, разбирая корзину и вытаскивая оттуда колечко колбасы. — Жирная колбаса. Опять жиру напихали! Обдиралово! Вот в наше время колбаска вкусная была! А сейчас что? Срам! Че стоишь? Прибирайся! Понанесла мусору! Ой, а у меня что-то давление прихватило. Прилягу-ка я! Ты это, далеко не отходи! А то помру и без тебя! Слышь, как у меня в ухе стреляет? То-то! Недолго мне осталось!

Бабка улеглась на старую, скрипучую кровать, закатывая глаза.

— Окно прикрой! Не видишь, дует мне! — ныла бабка, причитая и охая в разных тональностях. — Че встала, костлявая! Давай, окно само не прикроется! Ишь ты, это раньше ты приходила, когда хотела, и жизни отнимала, а сейчас все по-другому! Нынче другие времена! Эх, отдохнула бабушка? Пойду-ка огород прополю! Что смотришь, костлявая? Рано! Потом позову. Ой, че-то пирожков, как перед смертью захотелось!

Глава первая. Богиня на диете

Ничего на свете лучше нету,
Чем пирожным заедать диету.

— Ух! — отдувалась я, цепляясь за перила и с тоской глядя наверх. Давай, милая. О, спорт, ты — жизнь! Еще ступенечка! А что вы хотели? Никакого лифта! Теперь только пешком.

Я ввалилась в свою однушку, чувствуя себя победителем. Не разуваясь, я поплелась на кухню и бухнулась на табурет. На холодильнике висела мотивирующая картинка с надписью «Кто много не жрет, тому мужик дает» и красавицей весом под пятьдесят килограммов. Ничего, мы скоро тоже такими будем!

Никакого второго подбородка! Никаких предсмертных скрипов табуретки под тяжестью нашей доброты! Я вытянула свои толстенькие ножки в лосинах, глядя на календарь с красавицами в купальниках. Если на витрине лосины были «леопард», то сейчас это — поплывшая коричневая зебра. У меня еще майка классная! С раздавленным котенком. На витрине это был милый котенок, а на мне он выглядит как представитель иной цивилизации, раздавленный камазом после высадки.

— Давай, милая! Что у нас по диете? Стакан воды с утра, стакан воды в обед и стакан воды вместо секса! — жалобно простонала я, отмеряя стакан воды на весах и тихо попивая его.

Ничего-ничего! Еще немного! Еще чуть-чуть! «Мяу!» — раздалось из кармана, а я вцепилась в телефон, подозрительно оглядываясь по сторонам. Мужик! Живой мужик! Мне кто-то написал на службе знакомств! Та-а-акс!

«Я не люблю полных дам!» — писал красавец с квартирой, машиной и внешностью журнального олигарха.

— А кто... — старательно набирала я, высунув язык от усердия и пытаясь попасть по клавишам. — Сказал, что я... вам дам? Отправляем! Ждем ответа...

Я гневно пролистывала комментарии к своему фото, глядя на аватарки мужиков. «Фу!», «А похудеть не мешало бы!», «Жирная!»

Я смотрела на мужичка, который написал целую петицию матушке-природе относительно женской полноты. «Фу, жируха! Неужели так сложно пойти в спортзал и следить за собой?» Я с грустью смотрела на хлипкого мужичонку с теловычитанием. Его рука была толщиной с ножку табуретки, а ножки напоминали отощавшего волосатого кузнечика. От лягушки ему досталось прожорливое брюшко, которое шло в комплекте с лысиной.

— Не бывает полных девушек, — сопя отвечала я, промахиваясь по клавишам. — Бывают слабые руки у мужиков! С вашим теловычитанием у нас ничего не сложится! Отправляем!

«Терпеть не могу складки жира!» — читала я следующий комментарий, поглядывая на свои ноги в розовых кроссовочках и грудь пятого размера.

— Ты им тоже не нравишься! — долбила я по клавишам, гневно сопя и разглядывая еще одного мужичка с ноготок, прилизавшего три волосинки на манер мафиози.

«Зато зимой не холодно!» — прочитала я, закусив губу и глядя на стакан воды. На меня с аватарки смотрел потенциальный жених бомжеватой наружности. «Ненавижу тех, кому от мужика нужны деньги!» — значилось в его статусе.

— Еще бы, тебе на куртку работать не придется! — огрызнулась я, отвоевывая себе место под одеялом красивого и успешного молодого человека, который деликатно молчал. А вдруг я ему понравилась? Ну кто его знает?

— Я — не полная! Я — полноценная! И полная, и ценная! — огрызалась я, понимая, что если этот чахлый субъект метр с кепкой в прыжке попытается взять меня на руки, то у него позвоночник сложится в трех местах, а после первой брачной ночи я буду долго его искать

по кровати, чтобы бережно на руках отнести в травматологию и долго смотреть на гипсовые трусы.

«Кит-убийца!» — заметил еще один комментатор, пока я скрипела зубами, горестно глядя на зачёркнутый календарь диеты.

— Слышишь, тунец! Плыви к своей русалке! — обиделась я, глядя на один подбадривающий комментарий «Классные лосины!»

Из-под стола выглядывали весы. «63 килограмма», — показало табло. И это только правая нога. Я поджала губы и с опаской встала второй ногой. Цифры на табло побежали, а я зажмурилась.

— Сюки вы, мерзкие! — всхлипнула я, вспоминая бабушкины пирожки в детстве. Весы решили меня не щадить, добравшись до сотни, а я в ужасе закрыла лицо руками. «Сто десять килограмм», — показывали весы, а я осмотрелась по сторонам. Сняв кроссовки и куртку, я встала на весы. «Сто девять килограмм пятьсот грамм».

— Уже лучше! — обрадовалась я, снимая лосины. «Сто девять килограмм четыреста двадцать грамм», — заметили весы, а я сорвала резинку для волос, сняла кольцо и сережки.

— Ну! — потребовала я у весов, стоя на них и втягивая живот. «Сто девять килограмм четыреста десять грамм!» — сообщили весы, а я с мольбой посмотрела на плакаты.

«Позвольте порекомендовать! Крупный специалист в своей сфере! Я бы даже сказал, очень крупный!» — послышался голос в голове. В памяти мелькнул деловой костюм и красный директорский галстук. «Ты мне нравишься и такой!» — произнес ласковый мужской голос, а в памяти послышалось интенсивное стучание ложкой о тарелочку. «Но похудеть не мешало бы! А то мне с тобой на людях стремно показываться!» — снова произнес этот же голос, чем-то чавкая. Я грустно посмотрела на исполняющие обязанности тряпочки для пыли мужские трусы и чужую зубную щетку, давно приспособленную для мытья посуды.

— Сюки вы, мерзкие! — всхлипнула я, вспоминая, куда спрятала трофейную коробку шоколадных конфет.

— Приди к нам, — шептали конфеты, а я подозрительно прищурилась. «Три недели на капустном листе и воде!» — напоминал желудок, пока я отгоняла от себя этот соблазнительный зов.

— Я уже о них и забыла! — приказывала я себе, глядя на потолок. — Забыла, что они лежат на третьей полке серванта за журналами «Похудей за пару дней», припорошенные пакетиками и прикрытые салфеткой.

На столе что-то чирикнуло, а я уставилась на экран. Мне кто-то написал! Сам! Представляете?

— Привет! — прочитала я и принялась осматриваться по сторонам. Мой мужик! Никому не отдам!

— Привет! — ответила я, любуясь маленькой перепиской и прищуриваясь на фотографию. Очки я забыла на работе, так что придется выкручиваться. А ничего так, мужик! Лысый, гладкий! Черты лица, правда, мелковаты. Где-то уже вовсю играл Мендельсон, а я мысленно рассказывала с бокалом в руке, что не в килограммах счастье.

— Ну как? — спросил меня отважный герой, а я слегка растерялась. Где-то на столе в офисе лежали бережно сложенные очки и блестели в темноте светящихся колбасок ламп.

— Симпатичный! — написала я, понимая, что лысина — это не приговор. Вон, Брюс Уиллис тоже лысый и страшный! Даже астероид с криком: «Да не ну нафиг!» отказался врезаться в землю после того, как увидел Брюса.

— А я думаю, что мелковат, — написал собеседник, а сердце чуть не растаяло от умиления.

— Ну что вы! — возразила я, снова подслеповато прищуриваясь на присланное фото. Нет, конечно, хотелось бы мужика с шевелюрой, но какая разница? Если что намажем медом, мухи прилетят, усядутся, мы их спугнем. Мушки улетят, а лапки останутся.

Я тыкала на фото, но оно не собиралось увеличиваться. И тут я вспомнила, что в серванте, рядом с конфетами, лежали еще одни очки.

— Нет, ну а что скажете? Красивый? — прочитала я ответ, умиляясь тем, что меня называют на «вы». Вежливый мужчина — это большая редкость в наше время.

Я еще раз внимательно с прищуром посмотрела на лысину.

— Главное, чтобы хороший был. И неважно, большой или маленький, — ответила я, с замиранием сердца ожидая сообщения. — Я сейчас очки найду и присмотрюсь внимательней, если вы так хотите...

Я нашарила очки, встряхнула их, открывая дужки и...

— Ну что ж, — писала я, поглядывая на тощих красавиц с плаката. — Искривления нет, признаков хирургического вмешательства не обнаружено. Высыпаний тоже не наблюдается. Меня смущает только кривизна. В детстве травм не было? Не нравится вон то пятнышко. Вам бы анализы сдать. Если вам нужна профессиональная консультация, записывайтесь на прием в клинику «День здоровья». Телефон уролога.

А вы думаете, как я стала крупным специалистом в своей сфере?

Со мной вежливо здоровался какой-то накачанный красавец, при виде которого сердце начинало биться чаще даже у покойниц. С замиранием я следила за тем, как он отвечает на мой «привет». «Покори его интеллектом!» — подсказывало женское кокетство. «Замани супами!» — нашёптывал мне предыдущий опыт. «Небось холостяк на пельменях, а тут мммм! Пальчики оближешь!» Я посмотрела в зеркало на свое лицо, понимая, что именно с таким выражением запускают в космос корабли и проводят сложнейшие операции.

— Че делаишь? — прочитала я, чувствуя, как грамматический фашист во мне тихо достает словарь, прикидывая, сколько дадут за убийство с отягчающими ошибками. «Ничегоничего! Грамотность — это не конек нашего принца!» — утешал меня внутренний голос. «И даже не лыжа...» — гаденько огрызнулась я, доедая от волнения свежий маникюр. Переписка продолжалась, а я искренне болела за свою команду.

— Тибе риальную фотачку скинуть? — спросил меня принц, а я с замиранием сердца ждала заветное фото. Оп! И оно загру... Так! Это точно лицо? Точно-точно? Глаза я как бы уже нашла, но опыт подсказывал, что они иногда в силу определенных обстоятельств бывают натянуты на места для этого непредназначенные.

— Слыш тибе не нравица? Думаиш кто-то на тибя позариться, кроме миня? — поинтересовался собеседник, а я с грустью посмотрела на плакат на холодильнике, а потом обратно в переписку. Принтер уже печатал фото, а я молча прикрепила его поверх многоярусной красавицы с такими стратегическими запасами жира, благодаря которым ядерную зиму переживут сразу несколько государств. «Не ешь, ты же не хочешь быть таким?» — гласила приклеенная надпись. А я прилепила новое фото, добавив немного в послание самой себе: «Ты же не хочешь быть с таким?»

«Здрасте не хочешь прокатиться и кофе попить моему начальнику тридцать пять...», — прочитала я новое сообщение от нового собеседника, а потом тяжко вздохнула. «Это раньше ездовые собаки были, а теперь ездовые начальники!» — вздохнуло женское кокетство, решив взять отпуск за счет самооценки.

— А он точно довезет? Тридцать пять — это лет или лошадиных сил? — поинтересовалась я, чувствуя, как дергается глазик, требуя увидеть картинку. Покататься на чужом начальстве, конечно, хотелось, но собеседник решил пощадить начальника и утих.

Я подошла к зеркалу в прихожей и с грустью посмотрела на масштабы.

— Хочу быть костлявенькой! — всхлипнула я, втягивая живот и присматриваясь к трусам в ляпистый цветочек. — Почему я не костлявая?

И тут я увидела, как ко мне тянется тощая рука с черным рукавом, а следом появляется измученное лицо со впалыми щеками.

— Костлявенькой? — задушевно начала женщина с теловычитанием. — Не вопрос! Похудеешь за пару месяцев! Гарантирую!

— А вы кто? — подозрительно спросила я, понимая, что меня ухватили за трусы и тащат в свою сторону. — Эй! Я их еле нашла! Пусти!

— Хочешь много цветов? — сулила мне тощая мадам мрачноватой наружности. — Мужчины будут падать к твоим ногам! Это я тебе обещаю! Ни один не устоит перед тобой! И неважно, женатый или холостой! Да тебя каждый день будут осыпать цветами!

Хм... Предложение заманчивое, поэтому я посмотрела на костлявую руку, вцепившуюся в резинку от моих трусиков, а потом на свою пустую квартирку.

— Обещаешь? — на всякий случай поинтересовалась я, представляя себя первой красавицей, вокруг которой толпами вьются мужики с букетами.

— Обещаю! Цветы, мужчины к ногам! Подарки! — закивала тощая мадам, пытаясь дотянуть меня до зеркала. Где-то Робин Гуд погрустнел от зависти, глядя на то, как натянулась резинка от моих трусов.

— Ла-а-адно, — согласилась я, глядя на свое отражение и делая шаг вперед. — Стой! Я чайник выключила? Погоди!

Я дернулась, видя, как костлявая мадам вылетает следом за мной и падает на старенький, полысевший коврик.

— Выключила! — обрадовалась я, заглянув на кухню. — Газ выключила, свет выключила. Надо бы одеться и накраси...

Я почувствовала, как невидимая сила тащит меня в зеркало. Меня вроде бы как и всосало, но наполовину.

— Погоди! — засопела я, выдыхая и втягивая грудь с животом. Меня увлекало в серый туман, а в моей квартире уже вовсю орудовала тощая мадам. Она мчалась к холодильнику, а потом застыла, схватившись за сердце при виде фотографии.

— Может, он человек хороший! — вдогонку крикнула я, а в голове все помутилось. Ну! И где тут толпа поклонников, которым я сейчас радостно упаду на руки?

Я лежала на полу, подтягивая трусы в цветочек, и осматривалась по сторонам. В ведрах, вазах и прочих емкостях стояли букеты цветов. В открытой двери санузла виднелся унитаз, откуда торчал целый кустик, срочно требующий полива.

— Та-а-ак! — Я потрясла головой, понимая, что ничего не помню, но мысль о том, что у меня есть таинственный поклонник, одаривающий меня цветами, меня как-то приободрила. Мне на грудь упал колючий венок с черной ленточкой: «Помним, любим, скорбим!»

— Рано! — возмутилась я, с кряхтением поднимаясь с пола и воинственно подтягивая белье. На кресле лежала черная мантия, а в углу стояла коса.

— Добро пожаловать, богиня смерти! — траурным голосом произнес кто-то, а я на всякий случай прикрыла часть своих прелестей руками. Я обернулась, глядя в узкое зеркало в черной оправе, занимающее часть стены.

— Слышь, костлявая! — донесся до меня скрипучий голос, явно принадлежащий какой-то старухе. — Тебя где носит? Вот пирожков хочу, как перед смертью! И чтоб тепленькие были! Эх, хочу, просто помираю...

— Поздравляю. Можете сделать обеденный перерыв, а потом умирайте на здоровье, — ответила я, поглядывая на косу и накидку. В черном узком зеркале, украшенном черепами, появилось изображение старушенции в естественной среде обитания, среди горы кульков, мот-

ков, каких-то коробочек, со старым ковром на стене в виде гадкого койота на фоне хвойных зарослей.

— Я кому сказала! — проскрипела старуха, а я своими глазами видела, как этот божий одуванчик ворочает и поднимает мешки с крупами, которые никогда не простит мне моя поясница. — Как перед смертью! Хочу! Пирожков! Да не абы каких, а три с мясом, два с сыром, один с капустой и четыре с картошкой.

Я смотрела на бабку, которая взвалила на себя огромный мешкарус с пшеницей и потащила в погреб, намекая на то, что припасы у неё кончатся раньше, чем она отправится на тот свет.

— Ага, — мрачно заметила я, накидывая черный халат и никуда не торопясь. — Вам с собой или здесь будете? Салфеточки класть?

— Ты что? Оглохла, костлявая! — возмутилась бабка, соперничая в скрипучести с несмазанной телегой. — Быстро пирожки неси! Я уже дом на кота переписала!

— Ага, сейчас пекарню открою! Осталось только лицензию получить, — огрызнулась я, проводя рукой по странной раме из черепушек и костей. Где-то грюкнула об мраморный пол коса.

Бабка исчезла, а я посмотрела на букеты, стоящие под зеркалом. Несколько из них из стадии «Я вас люблю» уже перешли в стадию «Гербарий юнната», рассыпаясь от каждого прикосновения.

— Многоуважаемая смерть, — внезапно послышался красивый мужской голос, заставивший меня тут же втянуть живот. — Сегодня у вас последний день перед отчетом, а у вас не хватает ровно трех душ. Ровно в полночь у вас будут большие неприятности.

Мужик! Ты где? Я подозрительно осмотрелась по сторонам, снова уставившись на мутное зеркало, из которого на меня смотрели желтые светящиеся глаза. Он словно затаился в глубине, а я еще отходила от вибрирующих интонаций, заставляющих меня представлять такое, что обещали мне на сайтах знакомств, присылая фотографии своих пациентов. Мммм... Полночь... Мммм... неприятности, которые сулит мне красивый голос.

— Сразу смотри адреса ближайших травмпунктов, до которых будешь ползти со сломанным тазом, — мрачно заметила я, отворачиваясь от зеркала. Однажды в студеную зимнюю пору, когда я возвращалась с работы и зашла в свой подъезд, я встретила маньяка, который при виде меня тут же попытался переквалифицироваться в грабителя, а после удара сумкой по голове перешел на светлую сторону силы с криками: «Грабят, убивают, пожа-а-а-ар!!!» А однажды в парке, когда я шла после работы, мне повстречался таинственный незнакомец в черном плаще, откуда торчали волосатые ноги. Если меня и собиралась вербовать какая-то разведка, то я сразу поняла, что страна слишком бедная, чтобы позволить вербовщику даже приличные штаны. Но потом я поняла, что у меня в тот день были сверхурочные. Через полчаса я шла в магазин, а где-то на скамейке плакал эксгибиционист, считая стоимость лечения всех болезней, которые я у него нашла при первичном, но тщательном осмотре. Я-то знаю, что он приуныл в тот момент, когда я достала из сумки пачку одноразовых перчаток и занялась первичным ощупыванием и предварительным диагнозом. Зато сделала доброе дело, поэтому горжусь собой неимоверно!

— Если ты не выполнишь план по душам, ты умрешь, — намекнул мне шикарный баритон, от которого мне захотелось экстренно похудеть. Глаза в темноте внимательно следили за мной, а я следила за ними.

Странно, имени своего не помню, а какие-то эпизоды в памяти остались...

— Неужели смерть может умереть? — поинтересовалась я, поставив косу на место.

— Смерть теперь не имеет права забрать того, кого хочет до тех пор, пока не выполнит последнее желание умирающего, — глухо произнес таинственный баритон, а я вздохнула. — Так что последнее желание — это закон для смерти!

— Ты что? Предлагаешь мне пойти купить пирожки и отнести их бабке? — спросила я, а зеркало уже показывало дорогу через лесную чащу, зловещей пастью приглашающую на экскурсию всех любителей пощекотать нервишки.

Я поправила балахон, глядя на своё отражение в зеркале. А что? Черный меня стройнит...

— Ты обязана носить капюшон и косу! — заметило зеркало, пока я одергивала свой чёрный халатик. — Я открою тебе путь в ближайшую деревню...

— Ага, сейчас, — пообещала я, осматривая новые владения. И где мужики, которые собрались падать к моим ногам? Я ради такого даже полы помою!

— Ой, помира-а-аю! — заманчиво орала бабка, укладываясь на кушетку и имитируя обширное кровоизлияние пятки. — Ой, все! Кажись помру!

— Помни, — вкрадчиво прошептал голос, глядя на меня из темноты зеркала желтыми глазами. — Три трупа до полуночи... Три с мясом, два с сыром, один с капустой и четыре с картошкой...

Я схватила обрывок бумаги на столе и огрызок карандаша, записывая меню и прикидывая, сколько в бабку влезет.

— Ладно, так и быть! — согласилась я, ковыляя в сторону зеркала, которое жизнерадостно открыло проход в деревню. — Эй, погоди-ка! Что-то маловато! А ну-ка на выдохе!

— Вам нужно взять с собой косу! — настаивало зеркало, выплевывая меня обратно. — Без косы вы не смерть!

— Спасибо, я ещё с косой не ходила, — заметила я. На старой косе осталась сухая трава, и я прикинула, как буду таскать с собой этот неудобный аксессуар. И ведь по-любому где-то забуду! Я на каждый дождь покупаю себе новый зонтик, между прочим!

— Без косы... — напомнило зеркало, а я распустила волосянки, тряхнула ими и начала плести косичку.

— Вот! Варвара-краса, длинная коса! — заметила я, демонстрируя свою физиономию и тонкий хвостик — косичку, замотанный мятой ленточкой, которую я тут же содрала с погребального венка.

— Эм... — встало в тупик зеркало, пытаясь принять смелое дизайнерское решение. — Но это же не та коса!

— А что это по-твоему? Прощание с любимым по тихой грусти? Ершик для унитаза? — возмутилась я, а зеркало, видимо, собиралось меня послать.

— Да иди ты! — обиделось чудовище из зеркала, когда я расправляла свою косу, так и не решив, на какую сторону буду ее носить. — Коса нужна для устрашения!

— А этот кошмар на моей голове тебя не пугает? — огрызнулась я, махнув ладошкой.

— Да при виде нее люди будут впадать в состояние глубокого ужаса.

— Эм... — замерло на секунду зеркало, а я уже лезла навстречу приключениям. Еще бы! Предыдущая богиня не солгала! Мужики будут падать к моим ногам, а тем, кто отказывается это делать, поставим подножки!

— Да что у вас за зеркало такое узкое, — заметила я, пытаясь протиснуться в него бочком. С неимоверным усилием я сумела пройти в дырку, очутившись в какой-то живописной деревеньке. При виде этой деревеньки мог «живообписяться» любой ценитель прекрасного. Мощёная улочка, поросшая травой, убегала извилистой тропой в сторону дремучего леса. Мимо меня с вальяжным видом прошла курица, у которой наклевывался завтрак в виде лошадиного прополиса. Неподалеку от меня стояла чья-то ветхая телега, резво бегал пес, а разноцветная вывеска гласила: «Лучшие пирожки». Я подошла к деревянной двери. «Крашеная?» — осторожно спросила я, глядя на кованую ручку. «Это, между прочим, мой натуральный цвет!» — со скрипом заметила дверь. Мимо меня пронеслась орущая ватага деревенских ребятишек, один из которых с наслаждением прыгнул в лужу, обдав меня деревенским парфюмом «Колхоз Номер Пять».

— Смерть-смерть! — дразнил меня босоногий малец в драных штанах и огромной, подпоясанной верёвкой рубахе, тыкая в меня пальцем. — Слышишь, костлявая, попробуй, догони!

— Сюки вы, мерзкие, — обиделась я, стучась в дверь булочной. Мне не ответили, а внутри что-то с грохотом упало вниз.

— Проходите, — послышался голос, а я шагнула внутрь маленькой пекарни. На двери висел ржавый колокольчик, а внутри пахло сдобой. — А, это ты? Ну-ну... Что на этот раз?

Я достала списочек, развернула перед ним и надиктовала заказ.

— Ты еще за хлебушек не рассчиталась, — заметил полный пекарь, поигрывая третьим подбородком и вытирая руки о фартук. — Знаю, что опять без денег пришла. А раз пришла без денег, то придется отдавать натурой!

— Не вопрос, — авторитетно произнесла я, сопя, как стадо ежей, снимая с себя капюшончик. — Раздевайся!

Пекарь застыл, глядя на то, как я поигрываю косичкой. Я тут соблазняю, как могу. О! Схватился за сердце! Видимо, Амур не промазал!

— Эм... Не... — нечленораздельно заметил пекарь, оседая на мешок муки и нервно сглатывая. Интересно, у этой страны есть какой-нибудь государственный долг? Если что, я могу дипломатично предложить отдать его натурой!

— Я имел в виду траву покосить за домом! — икнул бедолага, так и не оценив моей косы. — Там...

Он на всякий случай даже махнул рукой в сторону неприметной двери, а по выложенным на витрине пирожкам пробежал игривый таракан, а потом оставил след на мучной дорожке.

— Слушай, — со всей душевностью подошла я к вопросу отжатия пирожков. — Я могу посуду помыть, подмести... Я очень хозяйственная.

— Ну... — Хозяин покрутил усы, снисходительно глядя на меня.

— Если что, это будет считаться вашим последним желанием? — поинтересовалась я, вспоминая то, что мне сообщило зеркало приятным, отнюдь не женским голосом.

В этот момент продавец замер на месте, нехорошо прищурившись на меня, а я улыбнулась ему самой обезоруживающей улыбкой. В медной сковороде, висевшей в качестве украшения, мелькнуло такое лицо, от которого сдаст оружие любая страна, срочно требуя меня в качестве ядерной секс-бомбы.

— Ладно, — забегал глазами продавец, посматривая на меня и на пирожки в корзине. — Бери и уходи... Я сегодня добрый...

Я содрала со стенки старенькую корзинку, запустила руку в пирожки, чувствуя, как они стукаются друг об друга.

— Свежие! — тут же отозвался продавец, протирая муку на прилавке. — Те, которые в виде калача — с мясом.

Я посмотрела на коричневые пирожки, а потом взвесила один из них на руке. Если бы где-то играли в игру «съедобное — несъедобное», то я вряд ли бы ловила мячик при упоминании чего-то, отдалённо похожего на этот шедевр бакалеи.

— Где бабка живет? Признавайся! — обнаглела я, выбирая пирожки по списку из общей кучи. — А то память у меня девичья!

— Там, — махнул рукой в сторону заднего двора лучший друг местного стоматолога. — Иди в лес, дальше по тропинке. И никуда не сворачивай.

Набрав пирожки в старую корзинку, прикрыв ее серенькой тряпочкой, я настолько ослепительно улыбнулась продавцу, что он даже зажмурился. После этого я лёгкой походкой вышла на улицу, едва не зацепив корзину со стучащими друг о друга пирожками.

Тропинка вела в сторону дремучего леса, а я со спокойной совестью направилась в сторону опушки, понимая, что, имея в арсенале больше двадцати пирожков-кирпичей, я сумею не просто отбиться, но и отбить любому все внутренние органы.

Деревья скрипели на разные лады, из чащи на меня дыхнуло сыростью, а лес показался не таким мрачным, как мое настроение. Накинув капюшон, поплотнее прихватив корзину, я решительно шагала по тоненькой петляющей тропочке. Через десять минут я устала, чувствуя, как колет в боку. Присев на пенек и поставив перед собой корзину, я слушала пенье птиц.

— Эй, дятел, — мрачно заметила я, глядя на то, как ветерок приподнял тряпку, а одна резвая птичка пытается хотя бы проклевать пирожок с мясом. Птичка отчаянно пыталась отклевать себе кусочек, а я сидела и чувствовала приливы жалости к маленькой бедняжке. Под конец, совсем отчаявшись, птичка упорхнула, а я стала подниматься, отряхивая попу размером в три сарая от сучьев и листьев.

Внезапно кусты зашевелились, а я на всякий случай схватилась за пирожок, подозрительно поглядывая в сторону трясущихся веток. Подкинув пирожок на руке, я понимала, что у меня куда больше попыток, чем у животинки жизней, так что в ее интересах не рисковать.

Кусты снова шевельнулись, а на меня прямо из чащи вылетел огромный волк. Пирожок вылетел навстречу волку, а я уже потянулась за вторым снарядом... С глухим ударом волк и пирожок встретились.

— Милый, ты голоден? Лови пирожок! — заметила я, глядя на огромного темного волка, который познакомился с местной кухней уже не понаслышке, а вместе с шишкой. Взвизгнув, волк застыл на месте, пытаясь прийти в себя, а я уже вооружилась вторым. — А это у нас что?

Я посмотрела на пирожок в форме органического повидла.

— Это — повидло. Десерт, — пояснила я волку, но его это мало чем утешило. Еще один пирожок просвистел над прижатыми ушами голодного хищника, а он, наученный знакомству с пирожками, взвизгнул.

— Слышишь, мастер бесконтактного боя! — заметила я, глядя на то, как волк с обалдевшими глазами пятится в сторону кустов, поджав хвост. — Это — не ко мне, это к нашим футболистам!

Кусты затрещали, хищник исчез, а я с кряхтением поднимала и отряхивала пирожки, со стуком складывая их в корзину. Ничего, путь долгий, мало ли кто проголодается?

Глава вторая. Серый волк и черная шапочка

Путь продолжался. Тонкая тропка уводила меня все дальше и дальше. Кусты иногда хрустели, а я поворачивалась в их сторону, держа на вооружении пирожок с хреном и подозрительно прищуриваясь в сторону хруста и шелеста.

Листики шуршали, ветерок задувал в надвинутый капюшон, я несла корзинку с кирпичами и пыталась вспомнить какую-нибудь задорную песенку. Пока я пыталась воспроизвести мотив, неподалеку едва слышно прошуршали разлапистые кусты, уронив на траву несколько листочков. Я остановилась и взвесила на руке пирожок с повидлом, подозрительно глядя в сторону кустиков и их пока еще живого обитателя. Смеркалось, небо затягивало мутновато-сизой мглой, а я замерла, понимая, что без боя не сдамся.

На мгновение мне показалось, что в кустах мелькнули чьи-то светящиеся глаза, а сквозь шелест веток и скрипы деревьев послышалось хрипловатое дыхание. Дышит? Уже хорошо! Жаль, что ненадолго.

Стоило мне сделать шаг вперед, как послышался вкрадчивый мужской голос, а соседние кусты затряслись.

— Ну здр-р-равствуй, капюшончик, — произнес тот самый голос, порадовав меня хрипловатым дыханием и раскатистой «р-р-р». — Куда это ты собр-р-ралась на ночь глядя...

Глаза в кустах сверкнули, а мне навстречу выходил огромный даже по меркам медведей волк с оскаленной пастью и высунутым по-собачьи языком.

— Мужчина! — раздраженно заметила я, поглядывая по сторонам. — Уберите вашу собаку! Кто вам разрешил гулять с ней без намордника и поводка!

— Какой аппетитный пир-р-рожочек, — отчетливо произнес волк, а я слишком устала, чтобы удивляться говорящим волкам. С такой экологией, не удивлюсь, если медведь диссертацию защитит.

Бесстрашный зверь сделал шаг ко мне и с наслаждением принюхался, а потом стал обходить со всех сторон, пока я держала еду наготове. — И такой вр-р-редный... Пр-р-релесть! Так бы и съел... Взял бы и р-р-растер-р-рзал бы...

И тут ему прямо в морду прилетел пирожок. А что? Я очень люблю животных, поэтому искренне считаю, что их нужно подкармливать.

— Свежие, — похвасталась я, глядя на то, как волк переводит на меня странный взгляд. — Для меня их специально отложили...

— Кто этот тр-р-русливый малый? — поинтересовался хищник, глядя на лежащий в траве пирожок и навострив уши. Волк сделал шаг в мою сторону, а я тут же достала еще один пирожок.

— Мой пир-р-рожочек темпер-р-раментный, — сладко заметил санитар леса, осторожно подкрадываясь ко мне и глядя в упор желтыми глазами, но тут же получил промеж ушей ещё одним пирожком. — Хор-р-роший пир-р-рожочек, пр-р-равда повидла в тебе многовато...

— Может, тебе палку бросить? — не растерялась я, хватая палку и швыряя ее в кусты.

— Считай, что ты ее бр-р-росила, и считай, что я уже бегу за ней со щенячьим визгом, — зловеще произнес волк. Нет, может быть, он от чистого сердца, с трепетной душой и благими намерениями, но в сумрачном лесу с оскаленной пастью он выглядел как-то зловеще. — Ну что, мой пир-р-рожочек, может, пр-р-роводить тебя?

— На тот свет? Или в увлекательное путешествие по желудочно-кишечному тракту с остановками «Желудок», «Тонкая Кишка» и «Толстая Кишка»? — поинтересовалась я, глядя на огромную зверюгу, которая расхаживала вокруг меня.

— Замер-р-рзла? — ехидно поинтересовался волк, а я молча сняла капюшон. — Иди ко мне, согр-р-рею...

— С хороших волков, между прочим, снимают шкуры, — вежливо ответила я, держа пирожок наготове. — Так, все, я пошла! Куда за мной! У меня пирожок! Я вооружена и очень опасна! Провожать меня не надо!

Я бочком пробиралась в колючие заросли, чувствуя, как ветки цепляют мой балахон. Обернувшись, я услышала, как шевельнулись за мной кустики.

— Предупредительный пирожок летит в голову, — на всякий случай предупредила я, потрясая пирожком. Кусты затихли, а я поежилась, подслеповато щурясь на тропинку и пытаясь разглядеть ее в сумерках. Тропинка весело петляла, огибая заросли. Мне на голову упал желудь, а я едва ли не споткнулась о выставленный корень, громыхнув пирожками так, словно разгружаю вагоны с кирпичами.

Лес темнел, а я осматривалась по сторонам и ускорила шаг.

— Фу-фу-фу, — пыталась отдышаться я на ходу, поглядывая в оба.

— Уф-уф-уф, — возмущался филин, пока я продиралась сквозь кусты. Луна кое-как освещала угрюмые ветки деревьев.

Я присела на траву и отдышалась. Ноги болели, а домик бабки все не показывался. Судя по тому, что я видела в зеркале, червячки на кладбище уже давно перешли на вставные челюсти, но надежду не потеряли.

— Ау-у-у! — послышался волчий вой, а я мрачно посмотрела на желтый блин луны. Кусты снова зашевелились, а передо мной появилась знакомая физиономия.

— А куда идет мой сладкий пир-р-рожочек? — поинтересовалась волчья морда, сверкнув огромными белоснежными клыками. — Может, я его все-таки пр-р-ровожу?

— Видимо, тебя часто посылали, раз знаешь дорогу, — огрызнулась я, вооружаясь пирожком с мясом. Если что, они — самые убойные.

— Вр-р-редный капюшончик не хочет отвечать? — волк смотрел на меня в упор, а я закатила глаза и почувствовала, что сейчас завою от такой навязчивости. Ещё немного — и любовь к братьям нашим меньшим перерастет в безграничное обожание к братьям нашим тупым.

— Послушай. — Я посмотрела на волка с сожалением, осознавая, что в дремучем и непроходимом лесу живут дремучие и непроходимые волки. — Мой дорогой дальтоник, перепутавший красную шапочку и черный капюшончик! Я тебе тонко намекаю...

— Ласку хочешь, мой сладкий пир-р-рожок? — усмехнулся оскаленной пастью волк.

— Нет, мне лучше хорька или кулек джунгариков! — отозвалась я, сопя и продолжая путь в темноте, раздвигая густые ветки кустов и таща свою корзину с кирпичами. И как сюда только почтальоны пенсию носят?

— Так! — возмутилась я, чувствуя, что меня кто-то схватил за одежду. Я резко развернулась, видя огромную волчью морду, которая оттаскивает меня от кустов, глазами намекая, что разговор еще не закончен. — Еще один такой кусь, и я скажу, что пирожки готовила сама! Рецепт «Сюрприз». Сможешь разгрызть — узнаешь начинку. Пшел вон! Там твои друзья в овраге лося доедают! Без тебя!

— Какой же ты вр-р-редный пирожочек! — послышался хрипловатый волчий голос, пока я норовила угостить его пирожком с мясом.

— Мучное всегда вредно для организма! — огрызнулась я, а потом почувствовала, что как-то несправедливо обхожусь я с дикой и разговорчивой природой. Лучше обходиться без нее.

— Я подумываю тебя завести, — прорычал волк, явно не желая заканчивать наше знакомство на столь грустной для отношений ноте. Я утешала себя тем, что в случае чего любой мой последующий будет всегда лучше этого предыдущего.

— В лес? — осмотрелась я, глядя на непролазные дебри. — Дружок, я прекрасно умею заводиться самостоятельно.

— Да, видимо, одинокой женщиной быть не пр-р-росто. Ты мне нр-р-равишься, я бы даже сказал, с каждым разом всё больше и больше, — оскалился волк, выдавая раскатистое «рррр» и взмахивая роскошным пушным хвостом. — Так как насчёт «завести»?

— Если ты завел блох, то это еще не значит, что ты можешь завести женщину! — гордо ответила я, шевеля булочками в сторону, противоположную волку, не без тайной надежды выбраться на тропу. Корзинка цеплялась за ветки, а я цеплялась за надежду слинять подальше от этого любвеобильного зверя.

— Могу довести до чего-то приятного, — снова оскалился волк, а я смотрела и понимала, что в детстве он, видимо, хорошо кушал, раз вымахал чуть ли не с лошадь.

— В первый раз слышу, чтобы белое каление называли оргазмом, — фыркнула я, гордо ускоряя шаг. Так, где-то здесь была тропа. Бабка, поди уж, заждалась. — Не надо меня провожать! Я кому сказала!

— У меня очень сер-р-рьезные намер-р-рения, — облизнулся волк, поглядывая на вверенный мне природой комплект верхних пирожков и нижних булочек.

— А у меня очень далеко идущие жизненные планы, — ответила я, выйдя на тропу и дойдя до развилки. Странно, но в деревне про развилку мне ничего не сказали.

— А кто туда послал твои планы, если не сер-р-рет? — пристала зубастая животинка, а я посмотрела на него со всей суровостью и даже нахмурила брови.

— Послушай, малыш, мы не сможем ужиться вместе... — ласково произнесла я, меняя тактику. Волк замер на месте, глядя на меня с каким-то подозрением. — Понимаю, что ты тут набиваешься на миску корма...

— Ага, — сладко прорычал волк, внимательно меня слушая. — И спать с тобой под одним одеялом...

— Но стоит тебя завести, как сразу начнется! — вдохновенно объясняла я волку, поглядывая по сторонам. Волк кивал, соглашался, понимающе глядя на меня. — Развороченное мусорное ведро, еда из мусорного ведра. Ну, конечно же! Очистки намного вкуснее дорогого корма! Вся одежда в шерсти, шнурки жеваные, лужи на полу, корм разбросан, скатерть порвана, везде следы грязных лап, слюни по всем подушкам...

Волк задумался, периодически поглядывая на меня. Видимо, он все понял.

— Насчёт гр-р-рязных лап, одежды в шер-р-рсти, луж на полу и разбросанной еды, так и быть, я согласен, — вздохнул волк, а потом поднял на меня глаза. — Но из мусор-р-рки есть я тебя быстро отучу.

Я поперхнулась, глядя в волчьи глаза, а потом развернулась и пошла по чему-то отдаленно напоминающему тропинку. Волк исчез в кустах, а я ускорила шаг, поглядывая на кустики с целью оросить дикую природу. Джунгли звали меня, а я трепетно выбирала безопасное и уютное местечко, словно после этого естественного процесса собираюсь построить там дом. Наконец-то крапивы стало меньше, а я выхватила взглядом маленькую интригующую полянку, куда ломанулась со скоростью спринтера. Огромный дуб прикрывал мой тыл, боеголовка, кажется, с черникой, ожидала в руке запуска, а я прислушивалась к ночным шорохам.

Из кустов высунулась медвежья морда, глядя на меня подозрительно. Я настолько устала, что твердо решила, что в нашем случае дохлым придется прикидываться ему, а пирожок с ягодами поможет в этом нелегком для начинающего актера деле.

— Пшел вон! — возмутилась я, слыша, как медведь ломает ветки и голову над тем, царь он или не царь местной природы.

— А лапку поднимать не пробовала? — осведомился знакомый голос, когда я наконец-то уселась в засаде, а на моем лице проступила нескрываемая гримаса блаженства.

— Зачем? — процедила я, понимая, что остановиться уже не могу, а корзинка далеко.

— А так видно больше, — с явным интересом выдал волк. — Ты метишь мою территор-р-рию, моя сладенькая булочка в чер-р-рном капюшончике. Поздравляю, мы тепер-р-рь соседи!

Правильно, я же животное, зачем передо мной стыдиться. Что естественно, то не без ор-р-ргазма!

Я сопела так, что ежи записывались на мастер-класс, посматривая в надежде, не пробегают ли мимо охотники.

— Ты думаешь о том же, о чем и я? — сладенько заметил волк, пока я мысленно прикидывала, где купить ружье. — Подсказываю, волшебное слово «брак»...

— Браконьеры? — с надеждой спросила я, понимая, что с каждой минутой вношу свою лепту по спасению дикой природы, пытаясь держать себя в руках. Волк поперхнулся.

Холодало, зубы отбивали пламенное фламенко, а я зябко куталась в накидку и шла неразборчивым бульдозером сквозь лесную чащу. Если совсем будет плохо, то удар пирожка о пирожок должен увенчаться костерком! Волк шел за мной, а я решила, что если не обращать на него внимания, то сам отвяжется. На небо лениво выполз желтый глаз луны и тут же стыдливо спрятался в рвань облаков. Приехали!

— И? — заметил волк, пока я смотрела на замшелый камень и тропинку, которая разделилась на две. Одна убегала в густую чащу, зато вторая ровно вела к какому-то просвету. В деревне ничего не говорили про тропинку. Ничего-ничего! За это я еще приду и буханкой хлеба по голове поясню принципы работы навигатора.

— Все тр-р-ропинки ведут к дому стар-р-рушки, — послышался голос волка, а он подошел ко мне, глядя на меня с жутковатой, зубастой улыбкой. — Левую пр-р-ротоптали р-р-родственники с целью получить недвижимость после ее кончины, а пр-р-равую стар-р-ренькая, др-р-ряхленькая бабушка, которая волокла по ней без телеги четыр-р-ре мешка из дер-р-ревни. Левая длиннее, а правая, разумеется, короче. Советую пойти по пр-р-равой.

Я смерила подозрительным взглядом пушистый навигатор. Не за один твой сытый месяц жизни я обзавелась упитанными прелестями!

— Пойду по левой. Только потому, что ты советуешь! — ответила я, понимая, что за мной уже послали санитара. Вот он, сидит и смотрит на меня нехорошими глазами. — Красная Шапочка пошла по правой и плохо кончила!

— Пр-р-рости, а Кр-р-расная Шапочка точно была женского пола? — прищурился волк, но я оценивала перспективы жилья, где неприятности были «в шаговой доступности».

Я гордо свернула налево, прошла метров двести, слыша, что за мной не крадется зубастый экскурсовод, а потом обернулась. Никого! Вот и замечательно! Я шевелила булочками, чувствуя, что недвижимость в этом районе продает только риелтор с лицензией на отстрел.

Кустики молчали, а я брела, хватаясь за колючий бок. Внезапно мой взгляд отследил силуэт маленького домика, а я выдохнула с облегчением. Ну все! Пришла! Прокашлявшись, я подошла к приоткрытой двери и поправила пирожки.

— Здравствуйте! Смерть вызывали? — спросила я, вспоминая свою практику.

— Да-да, входите! — сипло отозвалась старушка и прокашлялась, а я рванула дверь на себя, вдыхая запах сырости, кислятины и чего-то съестного, решившего покинуть этот бренный мир раньше бабки.

Дверь заскрипела, как в фильме ужасов, а я с деловым видом поставила корзинку у входа, осматриваясь по сторонам.

— На что жалуемся? — поинтересовалась я, осматривая убогий интерьер, который освещала луна, заглянувшая в окно. Несколько деревянных шкафчиков, столик со скатертью, стул, скамейка, куча мешков и старенькая кровать, на которой лежала бабка, накрытая горой одеял.

— На жизнь, — тихонечко прошептала бабка, а я прислушалась. У бабушки явно шалили гормоны. — На цены, на короля, на политику, на родственников проклятых.

— Я пирожки принесла? Принесла! Вставай, пошли! — устало заявила я, понимая, что бабку нужно куда-то отвести, но куда я смутно понимала. Ладно, разберемся.

— Не могу-у-у, — жалобно заметила старушенция противным наигранным голосочком мужика, который отпустил неудачную шутку чемпионке мира по единоборствам. — Встать не могу... Прикрой окошечко, бабушке холодно!

Я прошла к окну и хлопнула ветхими ставнями, нетерпеливо ожидая кончины бабки. Стоило мне только присмотреть стульчик, на котором можно было вытянуть ноги, и собраться приземлиться на него, как послышалось:

— Открой окошечко, бабушке жарко...

Я встала, распахнула ставни и снова посмотрела на стул и на бабку, которая ворочалась под ворохом одеял и стонала так, словно рожает.

— Бабушка, а почему у тебя сорок седьмой размер ноги? — прищурилась я, глядя, как огромная, волосатая нога сорок седьмого размера кокетливо выглянула из-под утеплителя.

— Так я мешок с картошкой на него уронила, — проскрипела бабка, которая с такой пушистостью может смело зимой на снегу спать, а нога тут же юркнула обратно.

— Бабушка — бабушка, — заметила я, понимая, что на зрение не жалуюсь исключительно потому, что для того, чтобы написать жалобу, нужны очки. — А что ж ты такая пушистая?

— Видала мою пенсию? Это — единственный мех, который я могу себе позволить! — заерзала бабулька, а я подошла поближе, слыша сопение под одеялом. — Специально к старости отращивала, чтобы не замерзнуть...

Я подтащила стульчик и села рядом, глядя, как бабка накрылась одеялом с головой и простонала.

— А это что такое под одеялом выпирает? — поинтересовалась я, присматриваясь и понимая, что грудь не могла так низко пасть даже в старости. Бабушки любят поговорить о болячках, а тут целая почва для диалога.

— Это? — спросила бабка, а холмик зашевелился. — Это мой котик... Тоже... греется... Под одеяло взяла... А то замерзнет...

Я поджала губы, глядя на заботливую бабушку и вспоминая плешивого, как мой коврик, котишку, которого видела в зеркале.

— Вот помру, а о котике заботиться некому будет, — негромко заметила бабка, а я уже передумала забирать бабку. — Я бы сразу померла, да котик один останется... Кто ж его кормить будет?

Я грустно посмотрела на холмик, а потом тяжко вздохнула: «Бедненький». Мои глаза наполнились слезами, когда я представила, как котик ищет свою бабушку, жалобно мяукает, а бабушки уже нет... Так! Я — Смерть, на минутку!

— Давай, бабушка, собирайся! — нервно заметила я, лаская взглядом холмик. — Главное, не переживай. Твой котик в надежных и нежных руках! Ой, а высунуться он не может...

Я жалобно посмотрела на холмик, который зашевелился. На всякий случай я зажала руки между колен, напоминая себе, что гладить чужих котиков неэтично...

Сколько раз я ловила себя на том, что, придя к кому-то в гости, начинаю тискать и гладить котишку. Многие знакомые котики уже при виде меня тут же залезают под кровать, шипят и царапаются. Сюки, мерзкие! А я их, между прочим, люблю.

— Да куда ж он вылезет? Пригрелся... Лежит, меня лечит, — тут же отозвалась бабка, а холмик увеличивался. — От ревматизму. Он у меня хороший...

— Я бы его погладила... — не выдержала я, умиляясь ответственному котику. Помню, в зеркале у бабки маячил котишка, причем вид у него был жалкий. — Не царапается?

— Женскую руку любит! Мужикам не дается, — вздохнула бабка, а котик снова шевельнулся. — Игривый он у меня... И ты ему понравилась... Прям, чувствую, как понравилась. Ну, гладь, не бойся... Замерз он бедный...

Я положила руку на холмик и стала нежно поглаживать.

— Хороший, — заметила я, проводя рукой по одеялу и чувствуя, как котик зашевелился. — А худой-то какой! Ты что? Его совсем не кормишь?

— Голодает он у меня последнее время, — приглушенно заметила бабка, тут же превращаясь в моих глазах в живодерку. — Я ему одну предлагаю, а он не хочет... Другую — тоже не хочет... Привередливый стал...

— А что предлагаешь? — спросила я, понимая, что однажды я обязательно заведу себе котика. — Рыбку?

— Да, и рыбоньку, и птичку, и цыпочку, и даже заюшку, — вздохнула бабка, а я сочувственно на нее посмотрела. — Раньше ведь все ел! И много... А сейчас что-то затосковал... Видимо, переел в своё время...

— А может, ему киску хочется? — спросила я, вспоминая орущую по весне кошачью братию. — Вы его с киской пытались познакомить? У него есть котята?

— Эм... — замялась бабка. — Нет. Вроде нет...

— Это хорошо, — вздохнула я, гладя котика и глядя в окно. — Но если будут — не топите! Лучше мне их отдайте! Я их воспитаю! Ой, а почему он не мурчит?

— Так не умеет, — простонала бабка, а котик зашевелился. — Не мурчит и все тут...

— Бедненький, маленький, — приговаривала я, поглаживая довольно крупного, но тощего кота сквозь одеяло. — Что ж ты так переживаешь? Здесь я, здесь... Я тебя не обижу! А он у вас породистый?

— Да... Благородных кровей... — простонала бабка. Видимо, ей совсем плохо. — Ой, когтями вцепился... Ой, не могу...

Я задумчиво сидела на стульчике и вздыхала о кошачьей доле. Вот так всегда... И ведь жалко же животное... Пропадет...

— А не пахнет от него? — принюхалась я, вспоминая запах «кошачьих» квартир, в которых при первом вздохе понимаешь, что где-то здесь обитает половозрелый кот.

— Не должно. Он мылся... — Бабка внезапно застыла, а я почувствовала, как ее рука легла мне на колено, поглаживая его сквозь черный халат с капюшоном. Луна исчезла, а в домике становилось темно.

— Ладно, бабка. Поговорили и хватит. Мне нужно тебя взять, — вздохнула я, задумчиво глядя на дверь и занавески, которые колыхались от ветерка.

— Слушай, а котик у тебя не больной, случайно? А то обычно котики игривые! Они же ночные животные! Может, его клещ сосёт? У моей соседки был котик, а потом приболел! Его клещ сосал! Умер потом. Не спасли...

— Ммммм, — простонала бабка, явно расстроившись, что котик в любую минуту последует за ней на тот свет.

— Вяленький он у тебя, — вздохнула я, почесав котика, как следует. Луна окончательно исчезла, а в доме стало так темно, хоть глаз кому-нибудь выколи, чтобы свет включили!

Бабкина рука сжала мое колено, а я обернулась. В темноте на меня смотрели жёлтые глаза с хищным разрезом, а широкая, обольстительная и наглая улыбка с острыми белоснежными зубами заставила меня недоверчиво потрясти головой. Луна снова появилась в оконце, осветив роскошные бицепсы и трицепсы на атлетической фигуре со вздувшимися жилами. Я с грустью смотрела на вздымающуюся от дыхания грудь и сползала взглядом на пресс. Кубики пресса. Набор для девочек от совершеннолетия и до победного! Да у него кубиков на прессе больше, чем в детском наборе! «Бойтесь заглатывания мелких частиц!» — несло меня по рельсам всех виденных мною инструкций. Одеяло сползло ему на бедра, а улыбка, похожая на добрый волчий оскал, стала еще шире.

— Где моя бабка? — сурово спросила я, понимая, что следов кровавой борьбы обнаружено не было. — И мой котик?

— Рррр мой сладкий пирожочек, — произнес сладкий, чуть хрипловатый, но уже подозрительно знакомый голос, а потом опустил глаза на то место, где лежала моя рука, наглаживая котишку. — Мяу...

Я бросила тоскливый взгляд на красавца и попыталась резко встать со стула. Старенький стул жалобно простонал подо мной, но меня тут же схватили рукой и потянули к себе. В голове промелькнул весь ассортимент женихов, предлагаемых мне судьбой от облезлых мачо до «ладно, пока с тобой перезимую». Я посмотрела на огромную даже по меркам моих булочек лапу, решила, что раз он как бы животное, то изысканного мата не поймет, поэтому ответила коротко:

— Пусти, иначе я на тебя упаду!

На меня смотрели с такой улыбкой, от которой у меня по спине побежали мурашки. Красавец резко сел на кровати, интригуя видом одеяла на бёдрах.

— Я — не та, кого ты ищешь! Я — Смерть! И, возможно, даже твоя! — заявила я в надежде, что доведу мужика до мурашек. А что? Он довел меня до мурашек, я его, а потом разошлись! — Поверь, потом все грустно! Ты, твои переломы и я, стоящая возле койки! Ты не будешь всем объяснять, что смерть просто мучится угрызениями совести!

— Если ты смерть, то ты — самая красивая смерть, мой сладкий пирожок, — послышался его голос, а я ревниво отбирала у него мои прелести, честно пытаясь сбежать.

— Посмотри на меня: если мужик не сбежал от меня на третий день, то мои знакомые уверены, что я оторвала ему ноги! — икнула я, пытаясь убедить его, а что-то внутри жалобно требовало, чтобы я убегала помедленней. — Я очень опытная и искушенная женщина! У меня, между прочим, за спиной двести головокружительных романов с роскошными мужиками! Они до сих пор стоят!

— Разорву, — заметил красавец, давая мне понять, что книги лучше прятать от него подальше. — Если кто-то к тебе приблизится, разорву. Никто не имеет права претендовать на мою сладкую булочку...

— Тебя не смущает разница в размерах? — достала я последний аргумент. Не знаю, что меня больше тревожило: то, что меня к себе настырно тянет мужик — мечта, или то, что меня ждут большие неприятности из-за бабки.

Красавец встал, а я даже забыла, что вырываюсь. Надо мной нависала пафосная глыба мускулов. Внутренняя рулетка, которая явно должна быть у любой уважающей себя смертушки, попыталась оценить масштабы счастья, которое вот-вот навалится на меня, но сломалась, насчитав два с половиной метра роста.

— Смущает, — прошептал он, а я почувствовала, как он снимает ленточку с моих волос. — Но я не буду торопиться с моим маленьким пирожочком. Я могу быть очень нежным, когда хочу...

Совесть посмотрела на меня грустными глазами и засобиралась на пенсию, требуя заплатить ей надбавку по инвалидности, пока я смотрела на огромную махину, которая нежно положила лапищу на мою грудь.

— Какой милый котенок. Можно я его поглажу? Их даже две? Девочки, я так понимаю? Не царапаются? — услышала я, поражаясь наглости и самоуверенности. Нет, конечно, если бы была одна и царапалась, то и я бы сейчас была одна, наедине с выбитой дверью и большим-большим приветом на полу.

— Так, все! Я пошла! — возмутилась я, опомнившись. Глядя на мускулы, я чувствовала себя представительницей ну очень слабого пола, а потом вспомнила, что слабый пол — это гнилые доски! — Понимаешь, мне нужен мужик с вот таким...

Я показала на пальцах размер неплохого окуня, а потом передумала и расширила его до средней акулы.

— ... терпением! Потому что я — Смерть! — продолжила я, пытаясь припомнить пару мотивирующих страшилок про несуществующих знакомых, которых отсутствие совести подкосило, как траву. Рука обняла меня за талию, а я приподняла брови, удивляясь, что она у меня, оказывается, есть. И очень хочет есть, урча голодным желудком!

— Поверь, мой сладкий пирожочек, с терпением у меня все в порядке, — послышался голос, а я уже чувствовала, как меня поднимают на руки и держат.

— Пусти! Ты с ума сошел! Я высоты боюсь! — заорала я, брыкаясь и слыша смех прямо в ухо. — Мамочки! Спасите! Помогите! Он меня уронит!

Последнего героя, который по собственной инициативе отважился на такой подвиг, я и сейчас узнаю из тысячи по полусогнутым трясущимся коленкам, выпуклым глазам, скрошенным в пыльцу зубам и сложенному позвоночнику.

— С чего ты решила, что я уроню? — изумился таинственный знакомец, а я увидела ослепительную улыбку хищника уже вблизи и нервно сглотнула.

— У меня... Эм... характер тяжёлый! — выдавила я, судорожно цепляясь за чужую шею. Я нервно дышала, вспоминая, как мой копчик уже однажды поздоровался с землей.

— Не бывает тяжелых женщин. Бывают мужики со слабыми руками. Не бывает тяжёлого характера у женщин — бывают мужики со слабыми нервишками, — услышала я голос, понимая, что совесть уже передала дела безрассудству, а оно уже прикидывает, как мы завтра будем смотреть себе в бесстыжие глаза.

— А потом ты снова превратишься в волка, утратишь человеческий облик, отрастишь хвост и вообще опустишься как личность. — Я зажмурилась, понимая, что рано проводила совесть на пенсию. На ней еще пахать можно. А когда она умрет, я ее кремирую. И будет она в песочных часах дорабатывать.

— Не хочешь испытать моё терпение? — сладко прорычал он мне на ухо, а я почувствовала, как меня лизнули в щеку. Жалобно поджав губы, я открыла глаза, глядя в светящиеся глаза. Взгляд у него был тяжелый, но умный. От такого взгляда стыдливо умолкают соседские перфораторы, хулиганы в подворотне резко бросают курить и переходят на легкую атлетику, а мелкое ворье бежит за владельцем с кошельком и словами: «Вы случайно уронили!»

Светящиеся желтые, нехорошие глаза с хищным разрезом сузились, а на припухлых губах дрогнула улыбка в стиле: «Ничто не предвещало беды. Ничто не предвещало еды». Белый шрам на темной брови как бы намекал, что дипломатия у него в отличном состоянии исключительно потому, что ей пользуются редко.

— Я тебя поцелую. — Брови взлетели вверх, а улыбка обнажила внушительные клыки.

— Нет! — опомнилась я, пытаясь вырваться. Я видела, как его язык коснулся белого клыка и облизал его.

— Я не спрашиваю. — Он приблизился ко мне. — Я просто предупреждаю. А потом я тебя раздену.

— Это вопрос? — Я чувствовала, как меня держат на одной руке. Что происходит? Совесть! Вернись! Я все прощу!

— Нет, моя булочка. Это предупреждение.

Глава третья. Смертельный номер

Моя несчастная хламидка лежала растерзанная на полу, а совесть решила пойти и застрелиться. Я чувствовала, что отвечать на глубокий и жесткий поцелуй вовсе не обязательно. Я почувствовала себя маленькой девочкой, которой не терпится поиграть с кубиками пресса, а яростные поцелуи заставляли меня тихо постанывать.

И тут я услышала странный звук, словно кто-то открывает дверь, но обращать внимание на такие мелочи я упорно не желала, мысля масштабами куда более крупными и увлекательными.

— Ой! — послышался скрипучий голос. В стиле «ню», в позе «но», я повернулась, видя бабку с двумя мешками, которая ввалилась в дом и застыла на пороге, глядя на меня четырьмя глазами. Два глаза — блюдца явно принадлежали бабке, а еще два, предположительно, коту, сидящему у нее на плече.

— Мяу! — истошно выдал кот, впиваясь когтями в знатно обалдевшую бабку, а я смотрела на них взглядом наездницы, проскакавшей двадцать километров.

Мне вообще показалось, что она была в очках, но потом стало понятно, что это глаза. Волк тоже лениво перевел взгляд на бабку, у которой глаза были размером с пенсию.

Котишка не нашел ничего лучше, как шлёпнуться оладушком с бабки, которая сползала по дверному косяку. Не знаю, к кому я тут приходила, но старенькая кровать, пережившая, видимо, уже не первую бабку, выбрала удачный и торжественный момент, чтобы с грохотом рухнуть вниз, увлекая за собой меня и того, за кого мне завтра будет очень стыдно.

— Караул! — завопила бабка, опомнившись и бросаясь из дома. Я уже экстренно пыталась нащупать одежду, за которой далеко тянуться не пришлось. — Караул! Помогите! Насилуют!

— Кого? — послышались мужские голоса, а я уже натянула белье, пытаясь натянуть сверху мантию. — Тебя, бабка?

— Нет! — верещала бабка. — Помогите! Помогите!

— Внучку? — снова заорали мужские голоса, приближаясь к дому со скоростью, которую я бы оценила как скорость раненого в попу гепарда. — А ну быстро прекрати! Сейчас мы тебе покажем!

Что конкретно мне собирались показать, я так и не узнала, но, видимо, что-то очень важное.

— Да нет же! — вопила бабка на весь лес. — Мужика!!! Мужика насилуют!!!

В этот момент желающие влететь в дверь внезапно затормозили, опасливо пытаясь заглянуть в окно. В свете полной луны в их руках блестели топоры. Выглядели они так, что деревья сами должны были падать к их ногам при виде такого безобразия.

— До встречи, мой сладкий пирожочек. — Меня бесцеремонно притянули к себе, а потом потёрлись носом о мой нос.

— Конечно, встретимся! Если через двадцать лет ты будешь идти по улице, а тебе в голову прилетит кирпич, можешь не оборачиваться. Это — я, — мрачно попрощалась я, понимая, что есть вероятность того, что это была моя последняя попытка наладить личную жизнь.

Я видела, как в темноте на меня уже смотрит огромный волк, который ловко вылетает в открытое оконце, оставляя меня наедине с вооруженными мужиками.

— Кто здесь? — прошептал один из них, а я упорно решила изображать то самое неразговорчивое чудовище. Ради приличия я даже громко почавкала.

— Ты слышал? — послышался тихий голос, и ко мне сразу прониклись уважением. Разве что честь не отдали. — Оно что-то жрет...

— Кого-то! — поежился второй, стуча зубами так, что где-то на лазурном побережье умолкли кастаньеты. — Отвечай, ты кто?

Я попыталась встать, но тут же почувствовала, как старая доска под ногой проломилась, а поцелуй моей попы и спинки кровати завершился душераздирающим воплем. «Попа!!! Вава!!!» — простонала я, растирая ушибленное место и кривясь.

— Попобава? — отчетливо произнес один из дровосеков, мечтающих прикинуть, сколько во мне годовых колец.

— Да, — мрачно заметила я, чувствуя себя старой развалиной. — Насилую мужиков и требую рассказать наутро каждому, что было той ночью. И если кто-то стесняется поделиться новым опытом, я прихожу еще раз! До тех пор, пока не наберется смелости!

— Заходи слева! — послышалось из-за приоткрытой двери. «Что там?» — встревожился скрипучий бабкин голос. — Я справа!

Доброй бабушке тоже было интересно, а я мрачно прикидывала дальнейшее развитие сюжета. Запах «хэппи энда» становился таким слабеньким, когда в дверях появился первый вооруженный топором герой, мечтающий избавить мир от нечистой силы.

— Да я тебя убью! Берегись, чудовище! — завопил осторожный дровосек, явно рассчитывая на то, что слабонервное чудовище умрет от сердечного приступа. — Ты сейчас найдешь свой конец!

Осмелевшая бабка, которая протиснулась в дверь, увидела капюшон и заорала: «Так это же смертушка!!!»

Дровосеки внезапно осмелели и нагло, вразвалочку вошли в дом. «Ха, слыхал, как смерть отмудохали? Ну-ну! Вот и она, красавица!»

— Ну что ж, — заметила бабка, потирая ручки и глядя на меня. — Прогонять смертушку будем! Думаешь, что? Боимся тебя? Не зря, ребятушки, я вас с собой позвала! Ой, не зря! Как чуяла, что придет!

— Что приперлась? — усмехнулся огромный, грязный дровосек, поглаживая пальцем свой топор. — Срок подошел? Ну-ну, расскажи! Ну что? Сильно в той деревне досталось? Или как?

— В какой деревне? — уточнила я, не припоминая таких сомнительных эпизодов в своей биографии.

— А ты что? Не помнишь, как тебя всей деревней метелили? — нахально бросил второй дровосек, разминая кулак. — Боишься нас, костлявая? Правильно, бойся!

— Сюки вы, мерзкие! — обиделась я, глядя на компанию нехорошим взглядом.

— А ничего ты нам не сделаешь! — нагло ухмыльнулся первый дровосек. — Мы-то прекрасно знаем, когда помрем!

— Ты что? — улыбнулась я, заготавливая кирпичи на будущее. — Бессмертный? Рано или поздно я и за тобой приду!

— Ой, напугала так напугала! — ткнул в меня пальцем первый детина с топором. — А что, нет, по-твоему? С каких пор люди у нас помирать начали? Да каждый ребенок знает, как тебя обмануть! Это раньше тебя боялись, а сейчас что тебя бояться? Ну, держись, смерть!

— Надо будет всем рассказать, как мы ее! — толкнул его локтем коллега по лесозаготовочному цеху. — А то что это? Все метелили, а мы нет!

Что?!! Смерть бить? Они что, совсем страх потеряли? Не понимаю, что здесь происходит! Надо было косу брать! Ой, надо было! Вот не зря зеркало рекомендовало! Было бы чем отмахиваться! Я нервно сглотнула, пятясь и видя, с каким напором на меня марширует войско из двух вооруженных дровосеков под предводительством старого генерала в юбке. Даже бабкин кот гадюкой шипел на меня, прижав уши.

Внезапно дверь открылась, а я поняла, что жизнь иногда умеет ставить тебя в такие позы, что «Камасутра» нервно шелестит страничками. Хоть телохранителя нанимай!

— Мой сладкий пирожочек, я забыл поцеловать тебя на прощание! — послышался знакомый голос, а на пороге стоял огромный волк. Список: «Я тебе припомню» вырос еще на несколько пунктов.

— А что это тут у нас? — заметил волк, облизываясь на дровосеков. — Два дровосека! Какая пр-р-р-релесть! И давно вы др-р-ровосеки?

Хищный оскал волка был слегка похож на улыбку, а дровосеки слегка занервничали, растеряв свой пыл.

— Отвечать, иначе в дупло получите! — ласково произнёс волк, облизываясь и поглядывая на основную ударную силу бабки. Я отчетливо видела, как он движется в их сторону.

— Ты нам ничего не сделаешь! — заявил один из дровосеков, болтаясь в воздухе и пытаясь замахнуться топором.

— Слышишь, сучок, я тебе сейчас листики обор-р-рву, — очень проникновенно заметил один блохастый романтик с большой дороги, переводя взгляд на старые сапоги почетного работника ножа и топора. — И корешки отор-р-рву!

— Это же... — задохнулся один из дровосеков, бледнея и начиная трястись. — Нет, нет...

— Я по запаху чувствую, что догадался, — оскалился улыбкой волк, потянув воздух. Он поднял морду и завыл так, что у меня по коже пробежали мурашки, столпившись где-то в районе вечного ледника, прикрытого цветными трусами.

— Не убивай нас... — зашелся в истерике второй дровосек, роняя из трясущихся рук топор и падая на колени. — Прошу тебя... Ты же не убьешь нас? Ты же не за нами пришел?

— Мой сладкий пирожочек, — послышался голос. — Отвер-р-рнись. Или глазки р-р-ручками пр-р-рикрой...

— Нет-нет-нет, — икали дровосеки, крепко обнимая друг друга. Кот снова грохнулся с бабки, делая вид, что сдох сам.

— Отвер-р-рнись! — рявкнул на меня волк, а я послушно закрыла глаза руками. Через мгновение всё стихло. Дровосеков нигде не было. Не было ни крови, ни обрывков одежды. Одни лишь топоры намекали на то, что здесь только что стояли в обнимку два мужика.

— Убери его! — завизжала бабка, испуганно пятясь.

— Это было последнее желание? Я пр-р-равильно р-р-расслышал? — послышался голос волка, а бабка побледнела, пытаясь объяснить, что таки нет!

— Уходи, — вздохнула я, а волк оскалился улыбкой и растворился в ночи. Над головой бабки появились песочные часы, а вниз летела последняя песчинка.

— Нет, нет, нет, госпожа Смерть! — завыла бабка, падая на колени. — О, великая Богиня Смерти! Я пошутила! Я не загадывала последнее желание! Вы же не заберете меня? Мне еще рано умирать! Смилостивьтесь!

Я протянула к ней руку, чувствуя, как все вокруг растворяется, а я оказываюсь в своем храме.

— Я же говорил брать с собой косу, — заметило зеркало, а маленький светлячок, орущий, что он слишком молод, влетел в зеркало и исчез. — Чтобы от местных отбиваться. Я же предупреждал, что без косы лучше не выходить! Предупреждал!

Что-то я не понимаю! Что это за оптимистичные настроения у местного населения? Откуда это неистребимое жизнелюбие? Я подошла вплотную к зеркалу, схватив его за раму.

— Так! Свет мой, зеркальце, скажи, — начала я, а потом посмотрела на себя и ужаснулась рваному капюшончику и прическе «утро в деревне». — Да в штаны не наложи! Вот с какого это гадства люди смерти не боятся? А?

Зеркало посмотрело на меня светящимися глазами, пока я внимательно изучала прыщ на подбородке. Ничего-ничего, сейчас мы его ликвидируем.

— Только не в меня! — возмутилось зеркало, когда я занялась косметической процедурой.

— Вот зря ты так! Я еще как-нибудь сонной в тебя посмотрю! И с перепоя! — пообещала я слабонервному зеркалу, светящиеся глаза которого расширились от ужаса. — И с потекшим макияжем! Так, давай, переноси меня в бабкин дом. Мне там кое-какие вещички забрать нужно!

Через полчаса я стирала в лоханке свою рабочую одежду и единственное белье в цветочек, сплевывая волосы и кряхтя. Прямо перед зеркалом тянулась веревочка, на которой висели деревянные прищепки.

Зеркало помутнело, пошло черной и зловещей дымкой, глаза померкли, а я увидела буквы, проступающие на зеркальной глади. Я прищурилась, пытаясь прочитать мелкий шрифт.

— Уже бегу за лупой! — скомандовала я, пытаясь разобрать слова.

— Я знаю рысь, аллюр, галоп, но этот новый вид бега вызывает у меня больше вопросов, чем ответов, — озадаченно заметило зеркало, пока я вчитывалась в то, на что подвязалась.

— Договор между людьми и богиней смерти, — прошелестела я губами, а бровь поползла наверх. — Пункт первый. С этого момента люди перестают умирать сами по себе. Пункт второй. Каждый рожденный знает дату своей смерти. Пункт третий. Для того чтобы человек умер, смерть должна прийти к нему лично в день смерти. Каждый имеет право загадать последнее желание, и смерть обязуется его выполнить. Если смерти не удается выполнить последнее желание, то человеку назначается новая дата смерти. Пункт четвертый. Смерть не имеет права прятаться под покровом. Отныне она видима для всех.

Я прочитала эти пункты, прикидывая, где же этот юрист-самоуродок, который составлял договор.

— Так, свет мой зеркальце! — возмутилась я, вешая трусы на веревочку и заматываясь в какую-то простыню. — Как допустили такое безобразие?

— У меня для тебя две новости. Кошмарная и ужасная. На какой хочешь закончить? Начну с кошмарной. Договор составлен в единственном экземпляре и скреплен кровью. А теперь ужасная. Он потерян, и никто не может его найти, — красивым голосом заметило зеркало, но тут же возмутилось. — Так, а это что такое? Что это за занавеска в цветочек? Фу! Фу!

Зеркало дуло на трусы, а они колыхались от порыва дыхания.

— Молодец, — похвалила я, глядя на то, как несчастное зеркало дует на мое белье. — Дуй активней. Трусы высохнут — я накидку придвину!

— Ты что себе позволяешь? — задохнулось от возмущения зеркало, пока я искала в комнате какую-нибудь другую дверь, кроме двери в унылую ванную. Мой взгляд скользнул по удобствам, а что-то мне подсказывало, что трезвой я туда больше не зайду. Усталость валила меня с ног, пока я искала диван или кровать.

— А что ты... фу!.. ищешь? — ядовито поинтересовалось зеркало.

— Место для ночлега, — устало буркнула я, понимая, что впечатлений за один день хватит даже на такую попу, как моя. — Разобью палатку и лицо того, кто завтра разбудит меня раньше полудня! Так, а где диван? Кровать? Лежанка?

— А предыдущая смерть не спала. Точнее спала, прислонившись к дверному косяку, — заметило зеркало, возмущенное тем, что у него появилась кокетливая шторочка в цветочек и бантик.

— Итак, тебе нужно завтра забрать пять душ! И лучше начинать прямо сейчас!

— Ага, бегу! Сейчас трусы сниму и помчусь! — обиделась я, глядя на свою веревочку и понимая, что с таким графиком «сходить в туалет» равносильно отпуску.

— Ты знаешь, с кем ты разговариваешь? — мрачно поинтересовалось зеркало, дуя на трусы. — Я — бездна.

— Меня это должно впечатлить? — поинтересовалась я, нервно кутаясь в простыню. — Как глубоко меня это должно впечатлить?

— До глубины души, которую я сожру в первую очередь, — вкрадчиво ответило зеркало. — Меня нужно постоянно кормить.

— Какая прелесть! — вздохнула я, всплеснув руками. — У меня есть мужик — добытчик!

— Когда-то давным-давно я охотился самостоятельно. Людям это не нравилось. И тогда меня сумели заточить в зеркало и назначить ту, которая будет охотиться для меня. Люди назвали ее Богиней Смерти. Каждый месяц она должна приносить мне души людей. Как только душ не будет, я вырвусь, у этого мира будут большие неприятности, — зеркало понизило голос до зловещего шепота. — Но начну я с тебя, моя дорогая Богиня Смерти. Последнее время я сильно не доедаю...

— Отлично! Я уже чувствую себя львицей в прайде... Р-р-р! Мяу! — Я сделала жест рукой, словно собираюсь потрогать его лапой. Грустным взглядом я посмотрела на своего кукушонка, понимая, что только что двинулась кукушкой.

Зеркало хищно улыбнулось, пытаясь произвести на меня впечатление. Я посмотрела на него грустненько, понимая, что сдохнет зверюшка у меня. Жаль ее...

— И что? — Я пожала плечами. — Это не самое худшее, что я видела в зеркале, поверь мне. Так что не впечатлил. Дуй на трусы, а я дую спать.

Соорудив лежанку из стульев, я расположилась на них в позе вождя мирового пролетариата и спящей красавицы. Усталость просто валила с ног, поэтому я твердо решила, что если проснусь раньше времени от поцелуя принца, то он уснет раньше времени от удара по голове.

В темноте ко мне тихо кралась совесть, требуя объяснений. Сереньким волчком совесть вгрызлась в мой бочок.

— И повыше отгрызи, пожалуйста, — проворчала я, подкладывая руку себе под голову. — Не стесняйся! Может, это был последний шанс в моей жизни устроить личную жизнь!

Совесть беспощадно жевала меня, а я твердо решила утром поискать другую сердобольную кормилицу для голодного зеркала. У меня были хомячки, канарейка, два кота, один пес, но бездны еще не было!

Я дремала, чувствуя, как при каждом моём движении подо мной трагически скрипят старые стулья.

— Фух! — слышалось сквозь дрему. — Фух! Мы еще не договорили! Фух!

Вслед за совестью прокрался стыд, помогая совести отгрызть кусок нервных клеток. Я — приличная девушка! Совесть поддакнула, а я засопела и заворочалась. Я никогда не целовалась на первом свидании! И даже на втором, потому что второго зачастую не было! «Понимаешь, ты мне действительно понравилась!» — вздыхал ухажер, которого я провожала домой в криминальном районе. «Но тут такое дело... Мне неловко будет показывать тебя друзьям... У них девчонки — модели... Понимаешь?» — рассказывал мне кавалер, опуская глаза, пока я прикидывала, что не хулиганов ему нужно бояться в темной подворотне, а меня после таких слов. Перед глазами появилось лицо бабушки: «И что с того? Мы все такие! У нас кость и душа широкая! Это у тебя семейное». Сновидения обрывались, а я отгоняла их со страшной силой, слыша, как подо мной жалобно скрипят стулья.

Утро наступило — и, видимо, прямо мне на спину, поскольку она затекла. Я попыталась встать, но утро прошло по мне, не оставив мне ни единого шанса.

— Вставай! Я голоден! — послышался голос бездны, а я сонно осматривалась по сторонам. Мрачный зал с черным мрамором стен, черепа, инкрустированные в мрамор, зловещего вида подсвечники из костей, несколько сухих венков, навевающих тоску и уныние. Костяные стулья, на которых я расположилась, жалобно проскрипели, а я зевнула и протерла глаза. Светлым пятном на веревке висело мое белье, которое я тут же проверила. Закутываясь в черный балахон, я все еще пыталась поверить в то, что я — Богиня Смерти в мире, где никто не умирает.

— Я голоден! — повторило зеркало, посылая во все стороны дымчатые флюиды. — Иди, работай!

— Я тоже, но мы с тобой, дружок, на диете, — зевнула я, глядя на несколько гробов, украсивших дальний угол зала. Ничего-ничего! Сейчас мы быстро тут порядок наведем. Я достала один из гробов, любуясь мягкой и красивой обивкой, поставила его на пол.

— Есть хочу! — нудило зеркало, пока я рассматривала мрачные картинки на стенах. Перед огромной тьмой со светящими глазами стояла тощая фигура в черном капюшоне, распростерши руки и заслоняя мир, а за фигурой прятались испуганные люди. Я мельком взглянула на себя, понимая, что я — человек надежный. За моей спиной спрячется не только мужик, но и половина населенного пункта.

— Хорошо. — Бездна пошла на хитрость, пока я с грустью смотрела на следующую фреску. Люди стояли на коленях перед Смертью и протягивали ей цветы и сладости. «Сюки вы мерзкие!» — шмыгнула носом я, вспоминая, как еле спаслась от преданных фанатов, мечтающих порвать меня на сувениры. — Вот оголодаю, как выскочу, как выпрыгну... И будешь знать, как не соблюдать условия договора...

— Какого договора? — потребовала я, глядя на голодное домашнее животное.

— Я сказал «договора»? Случайно оговорился! — ядовито заметила бездна, чем-то подозрительно урча.

— Понятно! — я поджала губы и подошла к урчащему, как холодильник, зеркалу. — Все! Я твердо решила! Верни меня обратно!

— Обратно? — удивилось зеркало, но тут же голос стал гаденьким. — Тогда тебе нужно найти замену. Тебе нужна девушка...

— Не вопрос, — мрачно отозвалась я, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. — На десять девчонок по статистике есть одна смерть! Все нормально. Ищи!

— Она должна быть никчемной, никак не влияющей на судьбу своего мира, — снова гаденько продолжило зеркало, показывая мне тысячи женских лиц.

Вот зря я не голосовала на выборах. А ведь могла бы вступить в какую-нибудь полезную организацию по спасению хищной природы от еще более хищной...

— Она не должна иметь семьи, детей, — продолжало зеркало, а я тяжко вздохнула, но тут же поймала проблеск надежды. Есть столько женщин, которые еще не вышли замуж!

— Она не должна быть ни к кому привязана в своём мире, — не щадило меня зеркало, пока я нервно сопела. — Ей по судьбе предначертано быть одинокой до конца своих дней.

А ведь мяукали за гаражами... Жалобненько мяукали. Надо было ловить и тащить себе!

— И самое важное. Конец ее дней наступает куда быстрее, чем она думает и рассчитывает. То есть тебе нужна девушка, которой жить осталось несколько часов, и чтобы рядом с ней было зеркало, — в абсолютной тишине произнесла бездна, урча, как котик. — Ах, да, ты можешь это сделать только через сто лет после того, как ты стала богиней.

Настроение достигло плинтуса, пробило пол, привет Люцифер, здравствуй Жюль Верн! Тяжело вздохнув, я посмотрела на оплот скорби и поняла, что скорбеть буду долго.

— Итак, с этого дня ты начинаешь вести учёт всех смертей. Указываешь причину смерти, согласно справочнику, — зевнуло зеркало, а я посмотрела на пыльный справочник, который подпирал ножку стола.

Я вытащила его, сдула многовековой слой пыли и пролистала. Старые страницы рассыпались в руках, а книга едва ли не развалилась на две части. «Идиотизм». Идиотизм делился на виды: «Смотрите, как я умею!», «Да ладно, смотри как надо, сейчас сам покажу!», «Ой, да кто вам сказал, что это опасно!», «Я тыщу раз так делал!», «Здесь опасно, давайте разделимся!» Пока я критически осматривала толстый фолиант, зеркало снова заурчало, а мне вывалился целый список имен под торжественной надписью «Должны умереть сегодня».

— Помни, по договору ты не имеешь права забрать человека до тех пор, пока не выполнишь его последнее желание! — напомнило мне зеркало.

— За кого меня держат? За золотую рыбку? — возмутилась я, понимая, что меня держат за исполнителя желаний. Я посмотрела на себя в зеркало, понимая, что золотые акулы в природе существуют, но они очень скромные, поэтому никто не успевает доплыть до берега и рассказать о них. — А может, я добрый Джин в лампе накаливания? Или старик Хоттабыч? Как я должна исполнять желания? Мне что? Волосы на голове рвать?

— Попробуй, — усмехнулось зеркало, а я посмотрела на свои гладко выбритые ноги, а потом на список желающих, приказывая волосам отрастать быстрее. Я вырвала волосок с головы, порвала его на несколько частей, изобразила кислую улыбку и выдала: «Трахтибидохти бидох!» Я все еще стояла перед зеркалом, а оно мерзко улыбалось клыкастой улыбкой неведомого хищника.

— Ну как? Исполнилось? — поинтересовалось зеркало, снова урча и затуманиваясь серой дымкой. — Вперед! Находишь человека, которому суждено умереть, узнаешь последнее желание, идешь и выполняешь. Как только выполнишь, указываешь причину смерти и переходишь к следующему!

— Ничего, ничего! Скоро все будут бояться смерти! — потерла я ручки, с тяжким вздохом глядя на список лиц, к которым должен прийти конец. Перед моими глазами появилось самодовольное лицо облезлого полуголого мужика в одних штанах, который спокойно шёл по улице небольшого городка, здороваясь со случайными прохожими.

Я положила руку на зеркало, чувствуя, как пальцы просачиваются внутрь, потом схватила косу, подпирающую стену, и через мгновенье очутилась в темном и мрачном переулке, дожидаясь своей жертвы. Опыт работы уже показал, что нападать лучше спонтанно и внезапно, пока жертва не успевает прийти в себя. Мусорные кучи облепили стены домов, неподалеку валялись старые доски, сломанная телега, а кто-то заботливой рукой развесил старенькое постельное белье. Послышались шаги, гулким эхом отражавшиеся от каменных стен, а я уже застыла для прыжка. Мужик, беззаботно насвистывая, шел мимо, пока я пряталась за мокрым бельем, вооружившись косой.

Мужик поравнялся со мной, а я попыталась выскочить на него, но попала ногой в старую, обмотанную веревками корзину, выронила косу, запуталась, пытаясь пнуть подальше старую дырявую ловушку. Мокрая простыня шлепнула меня по лицу, я потеряла равновесие и упала вниз, слыша, как подо мной что-то жалобно пискнуло и умолкло. Пока я сдирала простыню с лица, послышался глухой стон.

— Ты кто? — сипло простонала невидимая за дырявой простыней лепешка, пытаясь трепыхнуться напоследок. — Слезь с меня!

— Это было твоё последнее желание! — обрадовалась я, сплевывая волосы. На меня сверху завалилось оставшееся белье. Меня резко оттолкнули, но я не собиралась сдаваться и схватила его за штанину, усиленно дергая ее на себя.

— Аааа!!! Караул!!! — завопила камбала, пытаясь уползти подальше и отпихивая меня ногами. — Нет! Нет! У меня другое желание! Я хочу звезду с неба! Я...

— Я тебе сейчас дам звезды! Вот только белье сниму! — возмущалась я, пытаясь сбросить с себя мокрое белье. Я ползла за ним, чувствуя, что со спортом мы друзья, но больше по переписке. — Стоять! Куда пошел! У меня серьезные намерения!

— Я женат! — орал мужик, а я упорно тянула его к себе двумя руками.

— Жена... Фух... Фух... — задыхалась я, яростно дергая его, несмотря на отчаянное сопротивление. — Точно будет знать, где ты находишься...

Внезапно штаны перестали вырываться, а я слышала, как от меня со скоростью пяти нецензурных слов в секунду удирал мужик. Я перевела взгляд на свои руки, в которых намертво были зажаты штаны, а потом грустно осмотрелась по сторонам, вскакивая на ноги.

— Стоять! — кричала я, выбегая со штанами на оживленную улицу. Мимо меня со скрипом проехала телега, груженая кудахчущими курами, кто-то истошно заорал: «Лучшее мясо во всем городе! Налетай!» И я налетела, сбивая с ног какого-то мужичка, обвешенного окороками.

— Ты что творишь? — опешил он, а я краем глаза видела, как жертва устремляется в сторону торговых рядов.

— Считай, что я муха! — огрызнулась я, бросаясь вдогонку и видя, как мелькает среди одетых горожан один голый и прыткий бегун. Мужик перешел на скорость звука, а я, расталкивая прохожих, — на скорость крика: «Стоять!» Торговке с орехами досталось на орехи, торговцу тыквами по тыкве, а хитрый торговец яйцами сразу просек, что не нужно стоять на пути смерти, которая норовит снести ему товар с прилавка и повод для гордости.

— Помогите! Спасите! Она хочет меня взять! — верещала жертва, прижимая руку к самому дорогому и мельтеша голым задом среди возмущенных горожан, обильно высыпавших на рыночную площадь.

— Свежие колбасы, — кричал гнусавый голос, перекрикивая гул толпы и возмущения какой-то бабки ценовым беспределом. — Только недавно бегали!

Моя жертва услышала про колбаски, которые еще недавно от кого-то убегали, и, дабы не повторить их участь, набрала скорость. Я хваталась за бок, понимая, что никогда не слышала, чтобы смерть за кем-то бегала. В кулаке у меня были сжаты штаны, которыми я размахивала, как победоносным знаменем.

— Спасите! Она... меня хочет... — задыхался бегун, приставая к какому-то крепкому детине с мясницким топором и в заляпанном кровищей фартуке в надежде, что мне нравятся мужчины с топорами, и мое внимание переключится на более жизнеспособного кандидата, но нет!

— Еще как! — на бегу огрызнулась я, видя удивленные и заинтересованные лица прохожих. — Что смотрите? Мужиков мало, а ласки хочется! Вот себе и заприметила кандидата! Это любовь! С первого гада!

Внезапно где-то послышался бой часов, а бегун встал как вкопанный. На остроконечной ратуше пробили старинные часы, а я домчалась до него, прикоснулась и... И ничего!

— Ансельм смог убежать от смерти! Если смерть не догнала в течение четырех минут, то я буду жить дальше! Ура! — закричал он, а я посмотрела, как на меня двигается заинтересованная в моем бегстве толпа. Меня тут же выдернуло, и я очутилась в мрачном храме, прижимая к груди штаны жертвы.

— Ну как охота? — ядовито поинтересовалась бездна, пока я гневно сопела.

Глава четвёртая. Сколько карты ни тасуй, всё равно получишь…

— Ну как охота? — ядовито поинтересовалась бездна, пока я гневно сопела, все еще сжимая в руках чужие штаны.

— Он убежал, — горестно вздохнула я, все еще переводя дух и те заковыристые выражения, которые слышала в свой адрес в момент погони.

— Далеко? — осведомилась бездна, пока я рассматривала чужие штаны. — Забыл тебя предупредить! Если человек загадал последнее желание, а ты не забрала душу в течение четырех минут, то, считай, что он убежал от смерти, и ему назначается новый срок жизни.

— А почему этого не было в договоре? — возмутилась я, швыряя в зеркало чужими штанами и оседая на стул.

— Потому что это было изначальное правило, не имеющее отношения к договору. Смерть любит дерзких! — усмехнулась зубастой улыбкой бездна. — Если смерть пришла к тебе, а ты успел убежать от нее, и в течение четырех минут она не смогла догнать тебя, то тебе назначается новая дата смерти.

Отлично! Если спросят, кем я работаю, я могу смело отвечать, что за мужиками бегаю. И не только за мужиками! Мне высветилось следующее имя, а я понимала, что смерти при таких обстоятельствах нужны хорошие кеды и разряд по легкой атлетике.

— Мадам Намронель, — прочитала я, понимая, что такими темпами мои труповые будни подойдут к концу. Хотя погодите! Смерть должна быть видимой? От смерти можно убежать? От смерти можно отмахаться последним желанием?

Я прищурилась, глядя на мрачные своды собственного жилища, где в пыльном углу стоял гроб с надписью: «Если что похороните меня здесь!»

— Мне нужно в город! — усмехнулась я, мерзко улыбаясь себе улыбкой злого гения. Перед моими глазами в туманной дымке зеркала поплыли картинки, а я пристально выискивала нужную.

— Сюда! — остановила я, глядя на целую веревку женского белья и одежды на вырост, развешанных на улице. Через две минуты выгрузила все на крышку гроба, рассматривая серое застиранное платье и встряхивая его.

— Смерть должна быть видимой? — самодовольно заметила я, скидывая с себя чёрный халат и укомплектовывая прелести в старое платье. — Но нигде не сказано, что она должна носить черный плащ!

У зеркала отпала зубастая челюсть, когда я неумело плела косичку на своих волосах, пытаясь завязать ее тесемкой. На меня смотрела девица на «заберите ее, пожалуйста!», а я повертелась и поправила грудь в декольте, затянув тесемочки. Мое отражение расплывалось, а в поплывшем тумане проступили очертания мрачного дома, в котором сидела старая женщина с накинутым на плечи цветным платком. Вокруг нее висели какие-то дивные штуки, напоминающие работы начинающих «очумелых ручек». Сушеная рыбья голова была примотана к какой-то палке, а под ней виднелся маленький колокольчик. Рядом громоздилась горсть бус, вокруг которых были обмотаны какие-то сухие травы. Мадам расположилась в старинном потертом кресле, перебирая в руках карты и шевеля узкими губами.

— Гадалка? — заинтересовалась я, потирая ручки. Обожаю гадания! Через пару мгновений я уже стояла у почерневшей вывески: «Гадания и знаки судьбы. Третий глаз», а черная, старинная дверь мрачно приглашала узнать, что день грядущий мне готовит и под каким соусом преподнесет. Робко постучавшись в дверь, я услышала замогильный голос, пробирающий холодком до холодца.

— Войдите, — прозвучало, и я толкнула дверь, вслушиваясь в колокольчик, который глухо прозвенел над головой. — О! Я вижу твою судьбу! Всю правду про тебя знаю!

— Да вы что? — оживилась я, тут же присаживаясь на какую-то табуретку, оббитую тканью. В полумраке прыгал огонек свечи, а мое сердце застыло в тревожном ожидании. Морщинистые руки, унизанные массивными кольцами, тасовали старую колоду, чтобы протянуть ее мне.

— Бери! — хрипловатый голос в полумраке заставлял мою руку дрожать. Я осторожно сдвинула колоду, видя, как на стол одна за другой ложатся карты.

— Хм... — задумалась гадалка, а потом посмотрела мне в глаза таким пронизывающим взглядом, что я застыла, как врасплох пойманный суслик на колхозном поле. — Вижу смерть...

— Кого? — тут же оживилась я, а мне под носом поводили мрачноватой картой с обтрепанными краями.

— Со смертью шутить нельзя. Видимо, срок твой уже на исходе! Но не печалься, я помогу тебе придумать такое желание, которое смерть никак не выполнит! Отведем ее, костлявую! Отведем!

Я грустно шмыгнула носом, понимая, что до костлявой мне еще бегать и бегать. Мне под нос сунули еще две карты.

— Видишь? Мужик у тебя был! Пропал с концами! — зловещим голосом заметила гадалка. — По поздней дорожке...

— А сколько у него концов? — спросила я, глядя на потрепанные карты, но гадалка не слышала меня, что-то завывая. Мне снова под нос сунули карту со словами: «Смотри!»

— Ждет тебя встреча внезапная по дороге казенной! — ткнули в меня картами, пока на укрытом дырявой скатертью столе я заприметила книгу «Толкования гаданий». — И хлопоты, но пустые, пустые... Впустую хлопотать будешь, короче... А вот и он! Мужик твой вышел! Видишь?

— Куда вышел? — уточнила я, присматриваясь к суровому профилю какого-то бородача. — Надолго ли? Когда вернется?

— Любовный интерес у него выпадает! — вздохнула гадалка, пока я с любопытством смотрела на расклад. Она стукнула пальцем по карте, заставив меня нервно сглотнуть.

— Так пусть заправит его! — опешила я, внимая каждому ее слову и глядя на карты. — Нечего любовному интересу болтаться!

— На сердце держишь, — задумчиво промычала гадалка, шурша картами. — Надежду на скорое свидание! Вот она! Полюбуйся!

Яркая карта с какой-то птичкой легла поверх страшного, как моя жизнь, мужика в возрасте, когда седина в висок и тело в деревянный ящик.

— И крепко? — с робкой надеждой спросила я, глядя в глаза гадалке. — Или как его любовный интерес? У меня надежда нигде не вываливается!

— А в будущем у тебя дом казенный и договор! О договоре печешься! — прищурилась на меня гадалка, но я уже ничего не понимала. — Вот и договор вышел! На пороге у тебя любовь стоит!

— Пусть стучит ногами в сердце, — усмехнулась я, чувствуя в голове кашу из казенных домов и хлопот по поздней дороге, которые вывалились у кого-то из казенных штанов. — А можно еще разочек? Я просто не поняла!

— Хорошо! — вздохнула гадалка, снова тасуя колоду и выкладывая карты каким-то треугольником. — Вижу пустые хлопоты по любви. Они у тебя по поздней дорожке выходят! И мужик в прошлое отходит!

— Никуда он не отойдет! — возмутилась я, вспоминая красивый и хищный оскал. — Я ему отойду в прошлое! Перекладывайте!

Через полчаса гадалка смотрела на меня странным взглядом, который тонко намекал, что дверь не мешало бы закрыть с другой стороны.

— Казенная дорога с другом выходит, — вздохнула она, переворачивая карты. — С другом по казенной дорожке в казенный дом. Мужик твой из расклада вышел.

— Возвращайте! — взмолилась я, глядя на потертые карты. — Ну что это такое? Только что был, а уже вышел! Может, он ненадолго вышел?

— Вот твой мужик!!! — заорала гадалка, тыкая мне карту. — Вот смерть рядом! Видела? По казенной дорожке! За меркантильным интересом и пустыми хлопотами! Не один он сейчас! С бабой какой-то! Разлучница выпала!

— Из окна, надеюсь? — спросила я, понимая, что пять минут назад никакой бабы и в помине не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.